

Мария Заболотская

Мария Заболотская

И.о. помещикого чародея

Роман

Москва, 2012
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
3-12

Художник
В. Бабкина

Заболотская М.

3-12 И. о. поместного чародея: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 440 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1263-1

Легенды о героях? Сплошное надувательство! Великие маги? Коварные хитрецы, от которых нужно держаться подальше! Верные друзья, которые всегда придут на помощь? Слишком хорошо, чтобы в это можно было поверить!

В этом мире каждый торопится одурачить другого, чтобы самому не очутиться в дураках. Но даже здесь можно повстречать на своем пути и дружбу, и любовь, пусть даже не сразу признав их в неприглядном обличье. Только вначале Каррен, поневоле угодившей из служанок в героиню, придется полагаться только на себя и научиться не славаться ни при каких обстоятельствах.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1263-1

© Мария Заболотская, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ГЛАВА 1,

в которой говорится об отвратительных рассветах, тяжелой жизни служанок и подлой сущности чародеев

Когда я проснулась от тревожного сновидения, в доме было тихо. В комнате еще царила предрассветная белесая мгла, из-за которой вся обстановка выглядела зыбкой и нереальной. То ли сон, то ли явь — не разберешь. Ночной кошмар сразу же лишился своей силы, вылинял и превратился в какие-то бессвязные обрывки: бег сквозь душную ночь, когтистые руки, тянущиеся из болотной воды, оскаленные черно-багровые пасти — в общем, все то, что обычно снится людям в полнолуние. Проклятая полная луна всегда вытягивает из человеческой души самое муторное...

Я лежала неподвижно, глядя в потолок, почти неразличимый в утреннем сумраке. Кошмар еще не отпустил меня — мне виделись какие-то клубки черноты, которые прятались по углам. Но я знала, что это всего лишь мое взбудораженное воображение — в этом доме давно не обитали ни домовые, ни духи.

В звенящей тишине слышно было, как где-то за рекой надрылся петух и мерно поскрипывало мельничное колесо, хоть мельница располагалась не так уж и близко от дома. Это успокаивало. Все было так же, как и вчера, позавчера и целую вечность до того.

Ставни были распахнуты настежь, и ничто не препятствовало проникновению первых утренних звуков в мою маленькую комнатку, окна которой выходили в старый яблоневый сад. Летом я всегда перед сном оставляла окно открытым. Мне нравилось засыпать под стрекотание сверчков и шорох ветра в листве — то тревожный, то убаюкивающий. Еще чуть-чуть, и можно было поверить, что это мой старый родной дом, который я так давно покинула, не зная, что никогда больше не вер-

нусь туда. Точно так же там срывались с ветвей яблоки и падали на землю в теплых летних сумерках; так же пел вдалеке соловей, и даже в воздухе витали те же ароматы скошенной травы и прелой лесной листвы...

Веки сами по себе начали слипаться, и я уже почти поддавалась соблазну. Еще самую капельку полежать бы, свернувшись в клубочек под теплым лоскутным одеялом...

Нет. Полчаса — и солнце взойдет. Следовало выкинуть из головы бередящие душу воспоминания и подниматься.

...Я была служанкой. Самой обычной служанкой при скучном господине, жизнь которой вертится вокруг немытой посуды, нестиранных подштанников и неполотых грядков, даже краешком не прикасаясь к интересным, захватывающим дух событиям, которые случаются с другими, храбрыми и умными людьми. Где-то рыцари спасали благородных дам из заколдованных башен, где-то герои убивали драконов, в морях ундины топили моряков и просто купающихся, в горах гномы ковали мечи и кольчуги (это, пожалуй, не намного легче моих обязанностей, в отличие от всего предыдущего), а я в это время драила полы и ощипывала кур. И вполне естественно, что от этого мне иногда хотелось попросту завывать. Особенно по утрам.

О как же я ненавидела эти рассветы! И что хорошего нашли менестрели и поэты в ежедневно поднимающемся над лесом малиново-огненном круге? «Рождение нового дня», «розовая кайма на горизонте»... Попробовали бы они продрать глаза в такую рань!..

С усилием я выбралась из-под теплого одеяла. Деревянный пол выстудился за ночь, и до комода я добежала на цыпочках, гримасничая и вздрагивая. Одевшись, путаясь спросонья в штанинах и рукавах. Вода в рукомойнике была и вовсе ледяной, от нее зубы сводило, а спина покрывалась мурашками.

Только сейчас я почувствовала, что проснулась, причем не в самом лучшем расположении духа.

Мимоходом я расчесала воронье гнездо на своей голове, печально косясь на себя в осколок зеркала. Волосы мои были темными, жесткими, очень густыми и курчавились во все стороны, словно овечья шерсть. Я слышала, что такой роскошью награж-

даются только те несчастные, кто имеет в предках тролля (в наших краях, отличающихся свободными нравами, такое случается), и в это можно было поверить. Если мои космы отрастали ниже плеч, расчесать их можно было разве что граблями. Костяные гребешки теряли зубья, как завсегдатай таверны, — по несколько зараз. Приходилось то и дело состригать жесткие кудри, что исключало всякую возможность выглядеть достойно — известно ведь, что красота девушки находится в прямой зависимости от длины ее косы.

Во всем остальном я была, как говорится, заурядной девицей простого сословия почти двадцати лет от роду, светлоглазой, жилистой и угловатой, точно мальчишка-подросток.

Я вышла из комнаты, на ходу натягивая башмаки, и прислушалась, но ни один звук не нарушал сонную тишину дома. В темном узком коридорчике, ведущем к лестнице, мерно поскрипывал сверчок, явно не знающий, что утро уже наступило и пора бы давно заткнуться. Я вздохнула и покачала головой.

Ничего удивительного в этой мертвой тишине не было — с тех пор, как я появилась здесь, у моего хозяина, магистра Виктредиса, вошло в обычай спать вволю, не обращая никакого внимания на всякие мелочи вроде рассветов, кукареканья петухов и собственных обязанностей. Он сладко сопел, сколько его душе было угодно, в то время как я громыхала сковородами и чугунками на кухне, разбиралась с курами и конем, наглаживала рубахи и тоги, крахмалила манжеты, воротнички и прочая, и прочая, и прочая. А вот когда желание поспать начинало бороться с желанием поесть, магистр с кряхтением и вздохами выбирался из-под одеяла и плелся на кухню, не снимая своего ночного колпака.

Магистру Виктредису было лень облачаться в мантию до обеда, лень умываться, лень думать и даже здороваться со мной было лень. Спросите меня, что с самого утра может испортить весь день, и я вам скажу, что заспанный субъект в линялом халате и мятом колпаке с кисточкой, со снулым видом пережевывающий яичницу, справится с этим как нельзя лучше.

Ах да, забыла сказать, что Виктредис был магом. Они в большинстве своем являются отменными занудами, так что вряд ли

Виктредис мог кого-то удивить своими привычками. Он был типичным представителем своей профессии, только и всего.

Обычно магов называют волшебниками или чародеями, но это, так сказать, бытовая терминология, выдающая невежество того, кто ее употребляет. Все равно что лекаря обозвать костоправом или коновалом, наплевав на то, что он изучал в университете десять лет фармакологию, хирургию, зубовыдирание и прочие сложнейшие науки, названия которых способны сломать язык обычному человеку.

Я, как служанка, то есть человек, стоящий на лестнице общественного положения где-то у входа в подпол рядом с отребьем и бродягами, могла позволить себе быть невежественной. Поверьте мне, маг — это абсолютно аморальное, двуличное и подлое существо, как его ни назови.

В фундаментальном труде по истории магии, написанном самим Брианбардом-Строителем, одним из славнейших чародеев прошлого, магам дается следующее определение, пусть и не всеобъемлющее, но весьма патетическое: *«Маг — это человек — в большинстве случаев, — который имеет способности к эффективному — опять же весьма спорный термин, так как большинство магов к эффективности имеют то же отношение, что и дырявая ложка — использованию энергии четырех стихий, а именно Воздуха, Воды, Земли и Огня, в ходе которого возможны изменения как в физическом, так и в метафизическом поле».*

Я в свете некоторых своих жизненных обстоятельств, о которых поведаю чуть позже, скажу по-другому: маг — это существо, отучившееся десять лет в любой магической школе, признанной Лигой Чародеев, и получившее лицензию той же Лиги на право заниматься магической деятельностью. Так будет куда правдивее, потому что так оно и есть.

Расскажу-ка я подробнее о магии и тех, кто ее использует себе на пользу, чтобы избежать многих вопросов в будущем. Поразительно, как мало зачастую знают о мире волшебства обычные люди и насколько ошибаются в своих предположениях.

Магическая деятельность, как известно почти всем, бывает нескольких родов. Но далеко не все догадываются об истинных различиях между магами, бытующих в чародейском сословии уже сотни лет.

Начать следует с подвида, известного широким кругам как Чародей Придворный, и, вспомнив принципы общепринятой зоологической номенклатуры, к этому наименованию можно смело добавить видовой эпитет «необыкновенный», во многом проясняющий суть предмета. Такой маг конечно же относится к знатному роду, корни которого теряются где-то за пиршественным столом самого Брианбарда, что позволяет представителям данного рода считать себя его прямыми потомками — за столами в то время нравы были более чем вольные. Чародей Придворный импозантен, красив и хитер. Он небрежно решает геополитические задачи и дипломатические головоломки, устраняет недоброжелателей с размахом и помпой. В его прошлом одни темные страницы, его взгляд умудрен и циничен. Это омерзительнейший представитель чародейского племени, к счастью встречающийся не так уж часто в силу своей крайней неуживчивости и коварства своих же братьев.

Второй подвид — Чародей Бродячий, может считаться как обыкновенным, так и необыкновенным, в зависимости от его послужного списка. Эти вечные искатели приключений бесцельно странствуют по просторам всех королевств и княжеств и охотно ввязываются в сомнительные авантюры, которые через десять лет превращаются в эпические песни с печальным концом. Их жизнь увлекательна, ярка и полна впечатлений, последним из которых является затягивающаяся на шее петля или потрескивание пылающего хвороста. Они любимы народом — увы, лишь посмертно, — и зачастую даже народ не может понять причины возникновения этой любви. Проще говоря, они авантюристы и бездельники, которым лень работать на постоянном окладе.

И наконец, третий, самый распространенный подвид — Чародей Поместный, который может быть только обыкновенным, и более никаким другим. У него не было выбора: он не являлся сыном знаменитого мага; его прародитель видел Брианбарда только издали, да и то не мог потом сказать с уверенностью, Брианбард то был или кто-то другой; родные едва наскребли денег, чтобы отправить чадо в большой город, а остальные пятнадцать сестер и десять братьев долго махали ему вслед, пытаясь вспомнить, как же его зовут. Он старательно учился, копил деньги сначала на сапоги, потом на коня. Злобно

косился на более везучих — родовитых — учеников и, вполне возможно, кончил Академию с отличием, до чего никому не было дела. Его удел — пиявки, кровопускания и борьба с сельскохозяйственными вредителями. В своем околотке он одновременно лекарь, аптекарь, истребитель мелких чудовищ и друг бургомистра. Его уважают, иногда даже любят, особенно если он проявляет понимание в вопросах сенокоса, уборки урожая и лечения конского сапа.

Так Чародей Поместный проживает всю свою жизнь, не особо желая ее продлевать до классических волшебных трехсот лет, ведь ему обычно все опостылевает еще за первые тридцать. И все эти годы приправлены досадой на тех, кто добился большего, приложив куда меньше усилий.

Мой господин, магистр Виктредис был обычным поместным магом. И практически ничем не выделялся среди себе подобных.

Утро между тем продолжалось, несмотря на то что в голове у меня бродили посторонние мысли. Зевая и потягиваясь, я спустилась на кухню, которая находилась на первом этаже, соседствуя с гостиной. Мой уклад жизни не отличался от будней любой крестьянки: первым делом я разводила огонь, водружала на плиту сковороду и чайник, а затем начинала метаться между курятником, конюшней, огородом и очагом, словно вконец ополумевшая белка в колесе. Раньше кое-какие обязанности исполняла старуха из местных, но скаредный магистр отправил ее в бессрочный отпуск, здраво рассудив, что я справлюсь и сама, так как деваться мне некуда.

Сегодняшнее утро было в точности таким, как и все предыдущие.

Тяга в трубе была отменная (сама чистила), дрова — сухими и колотыми (сама колола), а яйца — свежими (неслись, слава богу, пока что куры).

К яичнице с беконом, входящей в меню обычного чародейского завтрака, обязательно полагалась свежая зелень и огурчик, иначе нудной проповеди было не избежать. Я была достаточно умна, чтобы не верить в счастливый случай, который заставил бы Виктредиса хоть раз забыть о пучке укропа на завтрак. Проще уж представить, что великий Брианбард-Строитель воскрес, а светлейший

князь Йорик снизил дорожную пошлину. Более педантичного и мелочного человека, чем Виктредис, я еще не встречала.

Огород располагался сразу же за домом, примыкая с одной стороны к конюшне, а с другой — к небольшой рощице. Там было по-утреннему свежо и сыро, отчего у меня немедленно начался насморк.

Побродив среди заросших грядок с укропом и луком, я пришла к неутешительному выводу, что в список моих задач на сегодня надо включить срочную прополку. Проклятая лебеда вымахала по колено, выпустив длинные поникшие соцветия в знак своего полного благополучия, и пырей безоговорочно торжествовал над морковкой, намекая на тщетность всякой с ним борьбы своим цветущим видом. А ведь я только неделю назад гнула тут натруженную спину под палящим летним солнцем!.. А какие комары тучами кружили надо мной! Какие волдыри потом украшали мое лицо!.. Разрази меня гром! Капусты вообще не видать за сорняками!!!

Н-да... Сегодня мне полагалось нажать травы для коня и хорошенько почистить его скребницей, сходить в лес за ягодами, наварить варенья (Виктредис мне уже плешь проел своими воспоминаниями о дивном черничном варенье его покойной матушки), заштопать рабочую тогу магистра, навеститься на городской рынок, состряпать обед и ужин, прибраться в доме, накопать мандрагоры... Теперь еще и огород! Ну что за напасть?..

Как видите, день мой был насыщен событиями до предела, но интереса для посторонних они не представляли никакого.

Погруженная в тяжелые раздумья о грядущем, я вернулась в дом с огурцами и пучком зелени. На кухне все бурлило, шкворчало и дымилось. Я присела за стол и задумчиво надкусила огурец, тщетно пытаюсь найти в глубинах своей души радость от кратковременной передышки.

Огурец сочно хрустнул, и я замычала, схватившись за челюсть. Как же меня угораздило забыть, что вчера вечером у меня разболелся зуб?! Вот почему я проснулась в таком паршивом настроении!

— Пропади ты пропадом, — тоскливо сказала я сама себе.

Тупая боль уже начинала ворочаться где-то в висках, заныл затылок и задергался глаз.

Похоже, дело обстояло куда хуже, чем показалось мне с вечера.

Я посмотрела, что творится под крышкой сковороды, оставила чайник на край плиты и вышла из кухни. Надкушенный огурец остался лежать посреди стола.

...В лаборатории магистра Виктредиса витал устойчивый запах аммиака, сиречь нашатыря. Я, как человек опытный, вдохнула лабораторный смрад всей грудью и привычно закашлялась. От рези в носу даже зубная боль стала тише. Зато второй вдох прошел без последствий. Все-таки я провела в подобных мерзких местах не один год и знала, что организм к ним следует приспособлять сразу, а не постепенно.

Нужная колбочка нашлась сразу. Как-то мне уже доводилось пользоваться ее содержимым, когда я ошпарила ногу крутым кипятком. Экстракт снежной ягоды ослаблял боль, вызывая онемение и приятно холодя кожу. После его применения можно было делать все что угодно, хоть ампутацию.

На вкус он был отвратителен. Что-то вроде прогорклого масла с примесью половой тряпки.

Я немного подождала, пока десны заледенеют, а потом с облегчением выплюнула мерзкий декокт за окно. К своей досаде, я обнаружила, что экстракт подействовал не только на зубы — у меня полностью онемел язык. Глупо было не подумать об этом заранее. Я попыталась издать какой-либо звук и в отчаянии замычала. Походило на то, что еще пару часов мне придется побыть немой.

Ну что ж, главную глупость сегодня я уже совершила. Теперь следовало прибрать все так, чтобы Виктредис ничего не заметил. То, что я внезапно лишилась дара речи, вряд ли привлекло бы его внимание, а вернее, еще бы и порадовало.

Расставляя колбы в положенном порядке, я вдруг заметила листок на краю стола. На нем было что-то написано, причем немало. Даже издали было заметно, что строчки расползлись вкривь и вкось, буквы отличаются самой разнообразной величиной, а наклон их весьма произволен. Я с полной уверенностью могла сказать, что это дело не моих рук. Без ложной скромности признаю, что мой почерк мог бы стать предметом гордости любого лицензиата или богослова.

Странно.

Давным-давно, когда я появилась в этом доме, магистр Виктредис выяснил, что я умею писать и читать ничуть не хуже его самого, после чего более не прикасался к перу. Теперь, когда в его голову приходила мысль, которая заслуживала увековечивания на бумаге, чародей приходил на кухню или огород и приказывал мне пройти в кабинет. Я покорно кивала головой, оставляла недомытую посуду или недополотую грядку и следовала за магистром. Мне полагалось понимать, что светлые мысли являются предметом весьма деликатным и мимолетным. Вот они есть, а вот — фьють! — и нет их. Посуда и грядки могли подождать. Они почему-то никогда «фьють» не делают.

К счастью, идеи в голову Виктредису приходили не столь часто, чтобы всерьез дезорганизовать ведение домашнего хозяйства.

Короче говоря, все рукописи в этом доме, включая списки необходимых покупок и этикетки на микстурах, вышли из-под моей руки.

Итак, я с некоторым недоумением взяла листок и взгляделась в эти ужаснейшие каракули, которые я не решилась бы называть даже клинописью.

«Милая Каррен!» — с таких слов начиналось письмо — а это, вне всякого сомнения, было именно оно.

Я в полнейшей растерянности почесала макушку, при этом намертво запутавшись в своих собственных волосах. Это меня звали Каррен, Каррен Глимминс, точнее говоря. Но эпитет «милая», употребленный в связи с моим именем, как-то сбивал с толку. Я, конечно, подозревала, что Виктредис что-то там про меня думает, отмечает и запоминает, но чтобы это вылилось в слова «милая Каррен»...

С этой мыслью я уселась на столе и принялась расшифровывать это поразительное послание. Упоминание моей персоны в первой строчке письма давало мне право на чтение, насколько я могла судить.

Итак, в нем говорилось следующее:

«Милая Каррен!

Я не знаю, зачем пишу это письмо. Собственно говоря, оно ничего не меняет и ничего не прояснит для вас. Я давно все ре-

шил и лишь ждал того переломного момента, который наконец подтолкнет меня сказать: «Так более продолжаться не может!»

Много лет я терпел, ломал свою жизнь в угоду какому-то мифическому закону, но чувствовал, что в один прекрасный миг все обрушится. И вот этот миг настал! Я покидаю этот городишко, мелких людей, его населяющих, и мой ограниченный, скучный мирок. Мечта победила серые будни, хотя ей для этого понадобился не один год. Я уезжаю прочь, чтобы увидеть новые горизонты, вдохнуть воздух свободы! Сколько можно бояться, унижаться и страдать? Ни один человек не заслуживает того, чтобы медленно чахнуть в этом захолустье, и я не худший из чародеев! В этот миг торжества свободы духа меня гнетет лишь мысль о том, что я оставляю этот город на произвол судьбы. Быть может, это низко и подло, но больше я не могу терпеть. Это не мое призвание, и я честен пред самим собой. Вы и сами видели, что за жизнь здесь. Рутинa и болото из коклюша, свинки, стригущего лишая и лошадиного сапа. Я измотан и опустошен.

На вас наверняка обрушится гнев Лиги, простите меня за это. Я знаю, сколь шатко и уязвимо ваше положение. Вы славная девушка, работающая и порядочная, хотя и скованы узкими рамками своего мировоззрения. Нельзя ожидать полного понимания в данной ситуации от девицы вашего сословия. Я знаю, что поступаю недостойно и низко с вашей точки зрения. Не буду спорить, чтобы не тратить попусту свое красноречие и время.

Прощайте, думаю (и надеюсь), мы больше с вами не встретимся.

Виктредис, магистр II степени».

Я дочитала этот манифест свободомыслия, перенасыщенный восклицательными знаками, и старательно скомкала, чувствуя, как начинает бешено колотиться мое сердце. Не хотелось лукавить и говорить, что смысл прочитанного не сразу дошел до меня, — я не отличалась тугодумием. Все было предельно ясно. Мой господин сбежал из города под покровом ночи, оставив меня на произвол судьбы. Честно говоря, я никогда ранее не слышала о подобных случаях. Это у высшего общества ренегатство и предательство всех сортов являются довольно распространенными явлениями — политика, комплоты, интриги... Маг-рене-

гат — это даже звучит внушительно, с намеком на некоторый авантюрный шик, до которого чародеи весьма падки.

Но беглый поместный чародей?..

Глупее отродясь ничего не слыхала. Куда ему бежать? Зачем? Так, того и гляди, деревенские бабы побегут от горшков в поисках заколдованных принцев, а мужики забросят покосы с посевными и захотят истребить пару-тройку драконов. Бегство Виктредиса являлось абсурдом в чистом виде. Ему некуда было идти, так как в нем не испытывала нужды ни одна живая душа за пределами этого городка, да и местное население не шибко признавало практическую полезность магистра.

Восклицать «Не может быть!» я не стала, так как давно убедилась, что данное утверждение является наиглупейшим. Быть может все что угодно.

Целеустремленно я взбежала по лестнице к спальне магистра, что располагалась в противоположном конце коридора от моей каморки, и отворила дверь, не забыв, впрочем, постучать на всякий случай.

Ответом мне конечно же была тишина. Кровать была заправлена, впервые за все время моего пребывания здесь.

Я заглянула в платяной шкаф и удостоверилась, что парадная тога Виктредиса — темно-синий бархат хорошего качества, вышивка по краю подола, накрахмаленный до скрипа стоячий воротник — отсутствует. Ну конечно! Стал бы он сбегать в рабочем балахоне, где на животе пятно от марганцовки, или в ночном колпаке!.. Бегство — это ведь так драматично. Только парадная тога, выглаженная и надушенная! Небось еще и расчесался на пробор, и зубы почистил...

Мысленно чертыхнувшись, я вновь спустилась на первый этаж, выбежала во двор и выглянула за ворота, не забыв заглянуть для проформы в опустевшую конюшню. Коня тоже не было. Бедный толстый Парфирс! Он даже не догадывался, что такое галоп!..

Мне живо представилось, как Виктредис в развевающейся парадной тоге, с сосредоточенным и волевым лицом мчится по пустынной ночной дороге, пришпоривая своего жирного, неповоротливого коня, и только призрачный свет луны отражается

от его лысеющей макушки неясным бликом... Я желчно скривилась и пробормотала короткое ругательство себе под нос.

Дом магистра находился на возвышенности, с которой открывался замечательный вид на мост через реку Липону, полюску заброшенного поля, расстилавшегося за ее излучиной, и старый лес, а также на дорогу из близлежащего городка Эсворда, петлей огибавшей холм и спускавшейся к мосту. Чуть дальше, вниз по течению находилась водяная мельница. За лесом начинались болота Керрега — низина, полностью скрытая густым, клубящимся болотным туманом, от одного вида которого по спине пробегала дрожь.

Я пристально вгляделась в исчезающую за темной стеной леса ленточку дороги, слегка подернутую утренней туманной пеленой.

Она была абсолютно пустынна, чего и следовало ожидать.

Досада и злость наконец нанесли сокрушительное поражение моему многострадальному самообладанию, и я изо всех сил врезала ногой по дубовым воротам, вложив в этот удар все низменные чувства, что пробудил во мне магистр своим поступком.

Подлый гад! Мерзавец! Чернокнижник паршивый! Мне оставалось всего десять дней!

ГЛАВА 2,

которая пытается прояснить, что за человек была Каррен, служанка поместного мага из Эсворда, и отчего так безнадежно испортился ее нрав

Если уж начинать жаловаться на судьбу, то делать это надо обстоятельно. При некоторой склонности к меланхолии вся история моей жизни может показаться цепью злключений, которые как нельзя лучше подходят для того, чтоб живописать их с трогательными и душещипательными подробностями. Итак, начать следует с того, что я была сиротой. Ха, вы так и думали? Совсем неудивительно? Банально и предсказуемо?

Согласна.

Но в нашем мире, сотрясаемом войнами, эпидемиями и стихийными бедствиями благодаря полоумным королям, подлым придворным магам и постоянно голодной нежити, найти человека, все родственники которого дожили бы до преклон-

ных лет, весьма затруднительно. По крайней мере, в Арданции, королевстве, откуда я была родом. Впрочем, я не думаю, что где-то дела обстоят благополучнее — многие мои знакомые в глаза не видывали либо свою мать, либо отца, либо обоих своих родителей, что абсолютно не мешало им жить дальше, не отвлекаясь на вредные фантазии о своем высокородном происхождении и роковых тайнах, с ним связанных. Посмотрим правде в глаза: голодному вурдалаку плевать на родовитость своей жертвы. Крестьянин же встречается в природе куда чаще, нежели дворянин, и оттого сиротами чаще остаются дети мирных земледельцев, а вовсе не отпрыски герцогов да королей.

Арданция, где я появилась на свет в уважаемом и многочисленном семействе Брогардиус, была весьма богатым государством, где наличествовали и величественные горы, и широкие реки, и тенистые леса, а города этого королевства являлись средоточием культуры и наук, в отличие от городов дикого Хельбергона или вовсе уж варварского Даэля. В столице Арданции, городе Марисо, находился один из старейших университетов нашего мира, куда стремились попасть наследники знатных семейств, одним богам ведомо зачем. Большинство знаменитых философов прошлых лет являлись моими соотечественниками, а самые сладкоголосые барды были вспоены арданцийскими винами с рождения, что также дает повод для гордости местным жителям. Арданцийские вина — это вообще повод, должна я заметить. Даже если бы кроме вина в этом королевстве не было бы ни черта хорошего, все равно тысячи и десятки тысяч людей благословляли бы Арданцию всю свою жизнь, воздерживаясь от хвалебных од разве что по утрам.

Что там говорить — именно Арданция была признана родиной куртуазных манер, а двор ее короля всегда был пышнейшим среди подобных ему. Кто не слышал про знаменитые фонтаны у дворца арданцийского монарха — чудо гидродинамики! — и кто не видал на гравюрах изображение собора святого Филапольда, который, несомненно, является шедевром готической архитектуры? Даже легендарный герой Роамон появился на свет в долине реки Поне, протекающей по плодородной земле Арданции. Прекрасная страна, утонченные манеры!..

Сама-то я про эти диковины только слышала, да и наречие арданцийское понимала через пень-колоду. К тому времени, как я начала смотреть на жизнь более осмысленно, моя семья уже довольно давно скиталась по просторам менее изумительных королевств из-за злополучной войны между королем и одним из его вассалов, случившейся аккурат накануне моего появления на свет. Мой батюшка, которого я даже на портрете не видала, воевал за мятежного герцога и погиб, как это чаще всего и случается.

Он не был особо знатен (однако имел свой герб в виде скрученного снопа соломы на синем фоне), да и богатством не мог похвастаться — просто зажиточный горожанин с претензией на родство с каким-то бароном из Шатеруа, о чем сам барон даже не догадывался.

Родные восприняли его незамеченный прочими подвиг как очередное, но уж точно последнее сумасбродство. Призывы батюшки последовать его примеру в свое время были вежливо, но твердо отклонены моими дядюшками и кузенами. Они не понимали, как можно продемонстрировать свое благородство путем мучительной и бесполезной смерти на поле битвы. Они не знали, с какой стати должны быть верны какому-то герцогу, которого никто из них и в глаза не видел. И понятия не имели, что за прок от этого бунта простому народу. То есть они рассуждали довольно здраво и логично, что делает им честь.

Однако по-своему батюшка был прав, безошибочно угадав свое предназначение и последовав ему. Если бы он не погиб в этой войне, то ввязался бы в следующую, даже если бы в ней решалась судьба какого-нибудь неведомого Сагратта или Амилангра. Затем бы он принял за революции и восстания, боролся бы повсюду против тирании и несправедливого социального устройства мира — и так до самой смерти, вне всякого сомнения, насильственного характера. Желание бороться хоть с кем-то снесало его и не давало никаких шансов дожить до преклонных лет.

...Герцог тот также недолго радовался жизни, так как вскорости его ополчение было уничтожено, а его самого вместе со сторонниками торжественно обезглавили. Посмертно вспомнили даже про столь мелких людишек, как батюшка, что, несомненно, польстило бы тому. Родственникам сторонников порекомендовали покинуть пределы королевства, причем как

альтернатива предлагались тюрьма или каторга. Положа руку на сердце, я понимаю, что депортация их прежде всего была выгодна самому королю: если представить, что у каждого сторонника наличествовало столько же родственников, как у моего покойного батюшки, пришлось бы построить десяток новых тюрем и клепать кандалы с утра до ночи.

Моя матушка была женщиной весьма сообразительной, к тому же, судя по портретам, прехорошенькой, что подпитывало ее надежду на более достойную жизнь. Не успели еще высохнуть чернила на указе о ссылке, как она выскочила замуж за какого-то графа, избавившись от меня, как от бесполезного и крикливого груза. Я была вручена своей бабушке по отцу, которая как раз собирала вещи в дорогу. Немногие ценности, доставшиеся ей после смерти батюшки, матушка забрала с собой, пояснив, что делает это из сентиментальных чувств.

Так я и стала сиротой, причем бездомной. Можно сказать, что это было первое серьезное невезение в моей жизни. Вместо того чтобы мирно провести детство и отрочество в стенах скромного, но уютного родительского дома, что находился, как мне говорили, в Марисо, на углу улицы Ткацкой и переулка Марсе, имел два этажа и отличался изысканной архитектурой кровли, я была запихнута в какую-то корзину и вместе с остальным багажом погружена в крытую повозку. Ранним весенним утром эта повозка проехала через южные ворота Марисо в направлении Теггэльва в составе кавалькады из таких же колымаг, увозя меня навсегда из Арданции. Я не слишком тогда разбиралась, что к чему, и поэтому просто вопила без передышки, доводя бабушку до белого каления.

Мать свою я больше никогда не видела и не знаю, как сложилась ее судьба. Положа руку на сердце, признаюсь, меня очень редко посещали мысли о ней, и я совсем не интересовалась, что случилось с этой светловолосой красоткой. Взлетела ли она на недостижимую высоту, покорив высший свет, как ей мечталось, или умерла с голоду в трущобах — мне было все равно. У меня сохранился медальон с ее портретом, который я никогда не надевала, и иногда на меня находила блажь: я рассматривала ее лицо, пытаюсь обнаружить в себе какие-то чувства к этой незнакомой женщине. Говорят, так положено.

Она была, вне всякого сомнения, дивной красавицей, яркой, словно бабочка. По всей видимости, внешностью я пошла в отца, так как на меня не пал даже незначительный отблеск ее красоты.

Никогда не любила бабочек. Порхают, чаруют, питаются нектаром и амброзией, а чуть только небосвод затянет тучами, как их и не видать. Слишком уж хрупки и нежны, чтобы встречать невзгоды честно и достойно, не пытаясь улизнуть. Им бы только солнце и цветы, а все остальное никуда не годится. Глупые, легкомысленные создания, от которых нет никакого проку.

Точно таким же было мое мнение касательно беглой матушки. Черт с ней. Я никогда не была сентиментальной.

Моя бабушка Бланка с остальными невезучими Бругардиусами скиталась довольно долго. Первыми моими воспоминаниями были скрипучие колеса повозки, на которой я сидела, болтая босыми грязными ногами. Иногда я вижу во сне смутные картины моих странствий: раскисшие дороги, вечный дождь и бескрайние поля с пожухшей травой. Тоска, страх перед будущим и дороги, дороги, дороги...

То был Теггэльв, которому так и не было суждено стать моей второй родиной. Теггэльвцы настороженно встретили своих родственников-бродяг и вскоре указали нам на дверь. Никому не были нужны бедные изгнанники, вот каким оказался мой первый жизненный урок. Все бояться чужого горя, словно заразы. Последующие уроки были в том же духе, и я бы не отказалась их пропустить, но высшие силы, видимо, не считали меня достаточно сообразительной и повторяли раз за разом одно и то же.

Опять потянулись серые поля, низкое пасмурное небо над головой и лужи, где отражались унылые тучи. Потом ненавистные поля сменились мрачным, темным лесом. Я уже не болтала ногами, так как надвигалась зима и высовывать нос из повозки не хотелось. Да и не нравились мне эти места — болота, трясина... Я еще не знала, что мне предстоит прожить здесь еще десять лет, которые впоследствии покажутся мне счастливейшими.

Это было захолустное княжество Эпфельредд, втиснувшееся между богатыми, могучими королевствами — Аале, Эзрингеном и Теггэльвом. На севере от него примостился скалистый, мятежный Каммероль, вотчина гномов, а на западе угрожающе навис

воинственный Хельбергон, край ледников, фиордов и безжалостных наемников. Наше (теперь уже наше) маленькое, бедное княжество продолжало считаться суверенным только из-за того, что никому не хотелось тратить силы и время на его завоевание, которое было делом бессмысленным, хуже того — невыгодным. Эпфельредд был почти полностью покрыт лесами и болотами, среди которых робко ютились маленькие городки да убогие села. Только на юго-востоке земли были более-менее обжиты — там находилась столица Эпфельредда, Изгард, славная своей магической Академией, уступавшей лишь той, что в Эзрингене.

Эпфельреддские родственники были нам рады так же, как и теггэльвские. Однако жизнь нас кое-чему научила, и мы никуда больше не поехали. Ясно было, что такой же прием нас ждет и в Аале, и в Хельбергоне, и в Эзрингене. Так какого черта еще пару лет шляться по бездорожью, отбиваясь от волков и разбойников? Лучше уж противостоять усилиям родственников отправить нас восвояси!

Большинство моих дядьев и теток с кузинами и кузенами двинулись в столицу, где какой-то далекий племянник бабушки хорошо разжился на торговле сукном, а сама бабушка решила остаться в глухом даже по эпфельреддским меркам Артанде, южной провинции на границе с Аале. Там жила ее престарелая кузина Маргарет — одинокая бездетная вдова. Бабушка решила, что полуразрушенная усадьба в качестве наследства все-таки лучше, чем шиш с маслом, который ждал нас в любом другом месте. Изгард, «большой город с множеством перспектив для предприимчивых людей» — цитата из пылкой речи дяди Вольдемара — ее не прельщала. Как говаривала она, «у меня вот уже где ваша столичная перспективная жизнь! Мало вам перспектив в Арданции было?».

Я, конечно, осталась с ней. Больше никому я нужна не была, что не особо скрывалось.

...Про мое артандское детство рассказывать особо нечего. После бродяжничества по дорогам Арданции и Теггэльва мне казалось, что мы очутились в раю, где можно было спать на чистых простынях, пусть даже и не шелковых, а грубых льняных, и есть за столом. Владение старой Маргарет представляло собой небольшое деревянное строение, не намного превосходящее размерами прочие крестьянские дома. К усадьбе прилагался го-

рько пьющий батрак, пользы от которого было куда меньше, чем вреда. Маргарет — вздорная, склочная старушенция — прожила еще пять лет вместе с нами, пока не отправилась в мир иной, но даже ей не под силу было отравить мне существование.

Бабушка сама научила меня грамоте и счету, памятуя про наше почтенное происхождение. Я легко усваивала все новое, если оно казалось мне интересным. С неинтересными предметами было сложнее.

Будучи строгим и упорным учителем, бабушка не утруждала себя рукоприкладством, предпочитая вдумчиво подбирать наказания. Чем хуже мне запоминались глаголы и арифметика, тем чище становились поля и лучше прополот огород. Природная лень во мне боролась с природной же ленью, и в результате, при некотором содействии врожденной любознательности, я освоила и сложение, и вычитание, и деление, и умножение, в совокупности дававшие мне значительное преимущество перед остальными деревенскими лоботрясами, с которыми я водила дружбу. В целом же я представляла типичное крестьянское чадо, считающее, что конец света находится аккурат за околицей. Я была поразительно невежественна и ничуть не тревожилась по этому поводу.

Бабушке оставалось только вздыхать, глядя, как ее внучка копошится в дорожной пыли и лепит из грязи кулички с абсолютно счастливым лицом, не задумываясь ни о своем почетном родстве с бароном, ни о правилах хорошего тона.

Меня такая жизнь вполне устраивала. Я относилась к тем самодостаточным натурам, кто не вглядывается в манящую линию горизонта и не вдыхает с волнением ветер странствий. Мечты их всегда остаются мечтами, не превращаясь в проекты туманного будущего, и нет такой мысли, что туманила бы их глаза. Хотя надо заметить, что мое воображение было слишком уж живо для ребенка подобного положения и достатка. Наши соседи не доверяли мне выпас скотины, и иногда местные женщины с сочувствием говорили моей бабушке, что видят явные признаки ранней смерти на моем слишком задумчивом лице.

Бабушка меня не ругала, когда заставляла за бессмысленными мечтаниями, однако настороженно присматривалась — видимо, ее терзала мысль, что я все-таки пошла в батюшку и в

один прекрасный день натворю дел. Иной раз она беседовала со мной, разясняя на понятных даже мне примерах, в чем состоит различие между фанабериями и жизнью и как опасно забывать о существовании этой границы. Ее наставления не раз вспоминались мне в тяжелую минуту, и почти всегда в них находился ответ на терзающие меня вопросы, что характеризует бабушку в самом лучшем отношении.

До десяти лет в моей жизни не было ничего, кроме двора с лопухами, огорода и зимних вечеров перед очагом.

Никакой магии.

Все изменилось в один день, который я отчетливо помню. Была ужасная жара...

ГЛАВА 3,

в которой рассказывается о первой битве Каррен Брогардиус с нежитью, а также объясняется, какое это имело отношение к дяде Бернарду из Изгарда

Была ужасная жара. Ни малейшего ветерка, даже листья на старых тополях за курятником не шелестели. Такая погода редко стояла в Эпфельредде, и люди вконец измучились в этом душном пекле. Вот в Арданции, рассказывала бабушка Бланка, такая жара не редкость, но придворные дамы все равно умудрялись в полдень нацеплять на себя кучу нижних юбок, кринолин, корсет, еще какую-то ерунду со смешным названием — шемизетку, что ли? — и так прогуливались по парку, обмахиваясь веером.

«Вот уж глупость так глупость!» — размышляла я, лежа на покато́й крыше курятника в тени тополей. На мне была надета рубаха с одним рукавом — второй я вчера умудрилась оторвать, преодолевая забор нашей соседки, у которой уродились хорошие яблоки, — и подвернутые штаны, откуда торчали мои голенастые, исцарапанные ноги. Башмаков у меня в то время не имелось, но мои ороговевшие пятки не испытывали из-за этого никакого неудобства. Терзания арданцийских дам были мне непонятны в корне.

Раздумывая о человеческих странностях, я изнывала от жары и мечтала о том, что после обеда пойду на речку, где буду ку-

паться до посинения. Купание было самым любимым моим развлечением. Тогда я пребывала в том счастливом возрасте, когда барахтанье в воде голышом не является чем-то предосудительным. Мы с друзьями каждый день бегали гурьбой к омуту, что находился за огородами, — в прочих местах нашу речушку можно было перейти вброд, не замочив колен. Там мы, как истинные дети природы, бесились что водяные черти — прыгали с обрыва, ныряли и пытались друг друга утопить. В жару только омут был нашим спасением.

Под палящими лучами солнца у меня облупился нос, и руки сами тянулись ободрать спаленную тонкую кожу. После этого оставались некрасивые розовые пятна, напоминавшие о какой-то коросте. Я в очередной раз поймала себя за этим занятием и недовольно фыркнула. Не ковырять было выше моих сил — нос так и свербел. Я с ненавистью уставилась на свои руки и мстительно прищурилась. Неужто моя сила воли спасует перед какой-то чесоткой на носу?

— Ну уж нет! — произнесла я сердито. — Кто тут, по-вашему, главный?

И с этими словами запихнула ладони себе под живот. Так было вернее.

Пойти купаться я могла хоть сейчас. Из-за невыносимого зноя бабушка Бланка урезала мои обязанности до полива малины, смородины и помидоров. С этим плевым делом я справилась уже давно и была свободна как ветер. Уже и мои приятели прибежали, чтобы пригласить меня на речку, но я отказалась.

У меня было важное дело.

Около месяца назад в наших краях объявилась крылатая зверюга, в которой старожилы опознали гарпию, правда порядком измельчавшую. Эта тварь повадилась таскать кур, подрывая и без того шаткое экономическое положение нашего хозяйства. Вдобавок один дед с хутора авторитетно заявил, что эта крылатая зараза будет постепенно расти и на следующий год перейдет на коз, а затем и на детишек.

Известно было, что этот дед — большое трепло. Но я отнеслась к его словам с вниманием, потому как нашла в кладовой книжку, где описывался подобный случай. Правда, гарпия в этой истории начинала с детишек, а заканчивала тяжеловоору-

женными рыцарями, но общий смысл повествования я уловила. До детей мне дела особого не было (себя к таковым я не причисляла лет с восьми), а вот судьба нашей козы меня беспокоила.

В деревне никто не спешил поднимать панику. Из-за жары на людей навалилась апатия и лень. Гарпия, пока что не отличавшаяся чрезмерным аппетитом (те же коршуны утащили куда больше кур с нашего подворья), могла поселиться в курятнике старосты — до этого никому не было никакого дела. Я поняла, что действовать придется мне.

Томясь в духоте своей комнаты во время очередного наказания за очередной проступок, я разработала план действий, затем провела некоторую подготовительную работу и приступила к воплощению своего замысла в жизнь. Если бы не жара, я бы даже испытывала от этого удовольствие. Охотиться на гарпию было куда интереснее, чем прясть кудель или перебирать чечвицу в кладовой.

Мой план включал в себя такие составляющие: самая старая курица, привязанная за ногу около курятника; кусок рыболовной сети, украденной мною вчера вечером из пруда; увесистое полено.

Ясно, что мои намерения по отношению к гарпии были самые что ни есть кровожадные.

После обеда я забралась на крышу курятника, положила рядом с собой сеть с поленом и принялась ждать. Несмотря на тень от старых тополей, растущих у нашего двора, мне было очень жарко. Казалось, что подо мной кто-то развел костер и полусгнившая солома, покрывающая крышу, вот-вот начнет тлеть.

Гарпия, словно издеваясь, не показывалась.

Курица от жары совсем оглупела, наполовину закопалась в песок, вяло подгребая под себя пыль лапами, и выглядела настолько малоаппетитно, что на нее даже трупоед бы не позарился. Я тоже разомлела, растянулась на животе и боролась со сном из последних сил. Тут окно кладовки, выходящее во двор, распахнулось настежь, и зычный голос моей бабушки нарушил сонно-мертвую тишину двора:

— Каррен, где твоё платье с воротником?!

Меня от возмущения даже подбросило вверх. Все подготовительные работы насмарку!

— Ну что ты кричишь?! — заорала я в ответ. — Я же в засаде!

Голова бабушки, увенчанная сложной и крайне туго заплетенной косой, повернулась в мою сторону.

— Что за тон, юная дама? — назидательно промолвила она. — Разве так подобает разговаривать со старшими? Особенно с бабушкой, которая может всыпать розог?

— Извиняюсь, — буркнула я.

Это было сказано только ради проформы — выбить из меня искреннее извинение было не так просто. Но в тоне бабушки я не уловила той пресловутой ноты, которая заставила бы меня отнестись к ее словам серьезно. Соответственно и она не обратила внимания на явно наглый тон моего извинения.

— Где то платье, что я сшила осенью? — повторила свой вопрос бабушка.

— В ларе, что под старым тюфяком в полоску, — ответила я. — А что такое?

— Ах да... — И голова бабушки тут же исчезла из оконного проема.

Я заподозрила неладное:

— Бабуля, зачем тебе платье?

Ответа не последовало. До меня донесся глухой шум падения чего-то большого, но мягкого, затем грохот откинутой крышки, скрип заржавевших петель и громкое бабушкино чихание. Из окна чинно выплыла сизая тучка пыли, вспыхивающая редкими искорками в солнечных лучах.

Но меня уже нельзя было сбить с толку. Платье, о котором шла речь, я надевала всего единожды, когда бабуля заставила меня посетить службу в местном храме в качестве наказания за разбитое фарфоровое блюдо, бережно хранимое в память о какой-то бабушкиной кухне. Оно — платье, не блюдо — было темно-синего цвета, по подолу украшено нестигаемым рюшем, в который словно проволоку вставили, а рукава — о ужас! — имели форму фонариков. Я отчетливо помнила, как кусался кружевной воротник, заставляя меня ерзать на жесткой деревянной скамье, как косились на меня остальные добропорядочные прихожане и как тогда я возненавидела и храм, и платье, и все человечество. Больше случаев надеть это орудие пытки не представилось, чему я была только рада. Но теперь

платье зачем-то понадобилось бабушке! Неужели меня снова ждет поход в храм? Но за что?!

— Бабушка, ответь мне! На... для чего тебе понадобилось платье?! — В то время я частенько сквернословила, приводя бабушку в состояние сильнейшего гнева, поэтому приходилось следить за своей речью.

В окне вновь показалась бабушкина голова, припорошенная пылью. Она принялась деловито трепать мятую синюю тряпку, в которой я без труда узнала то самое платье. Работу эту она выполняла весьма сосредоточенно, из чего я сделала вывод, что мой вопрос она прекрасно расслышала.

— Бабушка, — мрачно позвала я ее, постаравшись вложить в свой голос оттенок угрозы.

Она еще немного потрепала платье, придирчиво осмотрела его и покачала головой. Затем поковыряла пальцем пятно на подоле — в кладовой водились мыши — и вновь принялась исследовать мерзкое одеяние. И лишь когда мои глаза от сдерживаемого крика стали круглыми, как у филина, она снизошла до ответа.

— Завтра мы отправляемся в Изгард, — сообщила мне бабушка, словно это было самой обыденной новостью в мире. — Нас подвезут в Артанд, к почтовым дилижансам. Твоего дядю Бернарда я уже предупредила, он ждет нас.

От этой информации у меня даже дыхание сперло.

— Зачем нам в Изгард?

Бабуля пожала плечами, словно досадуя на мою непонятливость.

— Ну надо же как-то устраивать твое будущее, — буднично, словно речь шла о собирающемся дождике, пояснила она и скрылась из виду.

Я онемела, чувствуя, как от желания высказаться меня просто распирает изнутри. Но слов было так много, что я не могла решить, какое из них будет первым, и оттого лишь судорожно хватала воздух ртом. Едва я определилась и приготвилась заорать «Что?!», как резкий противный крик, наподобие ястребиного, огласил наш двор.

Резко повернувшись, я успела заметить, как мелькнула над деревьями крылатая тень. Курица, доселе убедительно изображавшая падаль, с диким кудахтаньем попыталась скрыться в курятнике. Но крепкая бечевка пресекала все ее попытки.

Гарпия без всякой суетливости сделала круг над двором, словно приглашая всех присутствующих полюбоваться мастерством летуны. Я впервые видела ее вблизи и невольно скривилась от отвращения. Больше всего крылатая зверюга напоминала бурдюк, в который воткнули два кожистых перепончатых крыла, диаметрально противоположно которым располагались две когтистые лапы, а сбоку была прилеплена голова на тонкой длинной шее. Тело ее было покрыто редким рыжим пухом, который в месте сочленения с шеей образовывал пышное жабо.

Хищница была невелика — с крупного ястреба, но сразу становилось понятно, что справиться с ней будет не так-то просто. Самое пристальное мое внимание привлекла клювопасть, в которой даже на расстоянии можно было разглядеть ряды отборнейших зубов, мелких и блестящих. Ясно было, что если эта тварь угрызет меня за руку или ногу, то мало не покажется.

От воплей курицы, осознавшей свою роль в моем плане, просто уши закладывало. Бабушка, чье внимание привлекла эта неистовая какофония, выглянула в окно. Увидев гарпию, она охнула и швырнула в нее веником.

Зверюга хрипло квакнула, словно насмехаясь над ее жалкой атакой. Ясно было, что из-за слабого сопротивления местных жителей гарпия предельно обнаглела.

Я, забыв о треклятом платье и прилегающей к нему поездке в Изгард, замерла на крыше в растерянности. К стыду своему, я испытала ту самую предательскую слабость в коленях, о которой терпеть не могла читать в книгах. Почему-то мне и в голову не приходило, что и я буду подвержена такому же малодушию. Гарпия презрительно покосилась на меня, заложила еще один плавный вираж и лениво спланировала к отчаянно бьющейся курице. Та от ужаса принялась орать еще громче.

Хищница растопырила крылья, снижаясь, ее когти жадно скрючились, готовясь вцепиться в тело жертвы... И тут я опомнилась.

У нас к тому времени в хозяйстве оставалось всего шесть кур. Если гарпия схватила бы шестую, то их стало бы пять. Пять — это меньше, чем шесть, и яиц соответственно тоже будет меньше. Эта простая арифметика промелькнула у меня в голове, и я мысленно услышала гневный бабушкин голос, который отчитывал меня и грозил немедленной поркой за утрату лучшей несушки.

В том, что после своей гибели эта курица будет признана лучшей, сомневаться не приходилось.

Итак, я схватила полено, лежавшее у моих ног, и изо всех сил метнула его в гарпию, которая почти схватила курицу. Меткость моя была удивительна — сбить гарпию в полете, да еще так точно, было делом невероятным. Но факт остается фактом — зверюга истерически взвыла и шлепнулась на траву.

Я, издав воинственный вопль, спрыгнула на землю и ухватила стоящую под курятником тяпку. Не успев опомниться, гарпия получила с дюжину ударов по спине и голове — я молотила ее без передышки. От такого напора она растерялась, визгливо заквкала и неуклюжими прыжками помчалась к забору. Одно крыло, видимо перебитое, она волокла за собой.

Держа тяпку, словно рыцарское копьё, я устремилась за ней. При этом я улюлюкала и свистела, как варвар-северянин. Когда перед гарпией возник ряд кольев, она в растерянности остановилась и попыталась взлететь, но крыло ей не повиновалось.

— Ну, задница крылатая, будешь еще кур таскать?! — заорала я и пнула гарпию пониже спины что было сил.

Гарпия отчетливо икнула и по красивой дуге перелетела через забор. По звонкому плюханью я определила, что приземлилась она аккуратно в канаву, отделявшую наш двор от крестьянских огородов.

Свое славное деяние я сопроводила забористым выражением, которому научилась позавчера от одного своего приятеля. Вряд ли гарпия могла оценить всю глубину этой метафоры, однако не сказать ей этого напоследок я просто не могла.

— Всемиловитые боги! — охнула какая-то баба за забором, из чего я сделала вывод, что мои слова услышала не только гарпия.

— Вот, — назидательно сказала бабушка, когда я, растрепанная и красная, тяжело дышащая, но довольная, подошла к крыльцу. — И ты еще будешь со мной препираться! Поездка в Изгард просто необходима! Я не желаю видеть, как моя внучка превращается в существо, способное напасть на гарпию с тяпкой и при этом выражаться, как извозчик. Тебе не место в этой дыре. Такой образ жизни действует на тебя разлагающе. Я вижу, куда движется дело. Сначала гарпии, потом мантикоры с волкодлаками... А затем ты нацепишь на себя шкуру какого-нибудь зверя,

убитого и освежеванного тобой собственноручно, заткнешь за пояс фамильный кинжал и заявишь, что хочешь податься в воительницы! И я не смогу ничего с этим поделать — у нас в семье уже были подобные случаи. Я и подумать не могла, что ты унаследуешь эту черту от прабабки Гизельды. Нет, пока я жива, этого допустить нельзя! Только Изгард! Ты из тех людей, которые необратимо дичают вдали от цивилизации...

И с этими словами бабушка снова скрылась из виду. Я еще успела услышать, как она бормочет себе под нос: «Анрио, должно быть, переворачивается в гробу! С тяпкой на гарпию! Крылатая задница!..»

Я с досадой швырнула тяпку в лопухи. Огорчение бабушки мне было непонятно и оттого раздражало вдвойне. А тут еще выходит, что и батюшка должен от моего вида ворочаться в могиле. Из-за чего, спрашивается? Я только что избавила деревню от напасти, героически сразилась с чудовищем... И ни слова благодарности! Неужели из-за бранных слов, которые я не смогла удержать при себе? Быть может, если бы я вступила в бой, вооруженная подобающим оружием и не честила гарпию по матушке, это бы произвело более благоприятное впечатление? Ведь все героини идут на монстров с мечом или арбалетом, о чем даже песни потом слагаются...

Эту версию стоило обмозговать. Так, значит, в доме имеется фамильный кинжал? Как же это я его раньше не нашла...

Вот так я и отправилась в свое второе путешествие, даже не успев добраться до того самого кинжала. Путешествие это было ничем не приятнее первого. Точно так же я сидела на телеге, свесив ноги, на этот раз обутые в тупоносые башмаки с огромными пряжками, и разглядывала дорожную пыль. Вдоль дороги тянулся лес, над дорогой тянулось небо, и ровным счетом ничего приятного ни по сторонам, ни над головой я не видела. Было очень жарко.

Потом мы прибыли в Артанд, средней руки городишко, давший название целой провинции. Ничем особым он похвастаться не мог: деревянные дома, кучи мусора на мостовой и свиньи в грязных лужах. Но я до того никогда не видела города, и даже артандские улицы меня поразили. Столько народа я не видела за

всю свою жизнь. Никто не здоровался друг с другом, все куда-то торопились и ровным счетом ни на что не обращали внимания.

Я разглядывала яркие вывески лавок, наряды встречных, черепицу на крышах и постепенно осознала, что действительно многого еще в этом мире не видела.

— Это еще что, — сказала бабушка, заметив мое вытянувшееся лицо. — Вот приедем в Изгард, увидишь, что такое город!

И мы поехали дальше; в полдень в Изгард отправлялся дилижанс. В душном и тесном дилижансе немилосердно трясло, но во мне уже зажглась искра любознательности, на которую так уповала бабушка.

До Изгарда мы ехали два дня. Я чувствовала, что еще немного, и я не выдержу этой тряски. Когда мы наконец прибыли и я выбралась из темного нутра дилижанса, мне показалось, что и мостовая подо мной трясется.

— Скоро ты увидишь своего дядю! — преувеличенно радостно сказала бабушка, и меня тут же посетило подозрение, что дядюшка нам рад отнюдь не будет. — Его зовут Бернардом, он брат твоего покойного отца, — рассказывала бабушка, пока мы шли по узкой, вымощенной камнем улице. — У него есть двое детей — твои кузены. Мари старше тебя на год, ты ее, быть может, и помнишь, а Ивэнсу сейчас шесть. Жену дяди Бернарда зовут Вивиана. Вот посмотришь, тебе они понравятся!

Я вертела головой по сторонам, не слишком вслушиваясь в бабушкины слова, и не уставала поражаться. Вокруг творилось что-то потрясающее!

Десятки людей шли вместе с нами по улице, обгоняя нас, толкаясь и подозрительно косясь, если я начинала слишком уж пристально рассматривать их одежду. Иногда раздавался окрик, люди расступались, пропуская богатую карету, и шли дальше как ни в чем не бывало. То ли дело я! Бабушка только и успевала, что дергать меня за руку, не давая угодить под копыта лошадей. Потом я увидела стражников в ярких мундирах и сверкающих кирасах. Они были настолько важными, что я даже притихла на время, тем самым облегчив жизнь бабушке на пару минут.

Раньше я и не знала, что на белом свете существуют настолько яркие, красивые наряды — в нашей деревне одежду шили из грубого домотканого полотна, а уж кожаная куртка счита-

лась признаком зажиточности. Тут же в глазах рябило от красного и зеленого бархата, золотой парчи и белоснежных кружев. Попадались, конечно, навстречу нам и серо-коричнево-черные люди, которые ничем не привлекали мое внимание, — то ли дело галуны стражников!.. Но когда я задрала голову вверх, то воспоминания о стражниках и их мундирах сразу поблекли. На балконах богатых домов сидели, обмахиваясь веерами, сказочно красивые девушки и разглядывали прохожих, о чем-то беседуя друг с другом со звонким, серебристым смехом. На их головках сияли драгоценные уборы, а белоснежные плечи были укутаны в прозрачные ткани, которые на ярком солнце горели тысячами искорок. Казалось невероятным, что эти эфирные создания состояли из таких же грубых материалов, что и я.

— Это благородные барышни, — сказала бабушка и прибавила: — Нечего на них так глазеть! По твоим вытарашенным глазам и последний идиот поймет, что мы провинциалы!

Я едва успела отвести взгляд от этих сказочных принцесс, как бабушка с совершенно провинциальным воплем дернула меня за руку. Я только и успела услышать перепуганные и возмущенные крики прохожих, как мимо нас вихрем пролетел всадник на черном коне в роскошной сбруе. Я заметила, что он был гладко выбрит, в отличие от прочих виденных мною мужчин, молод и очень бледен.

— Проклятые чародеи! — проорал какой-то прохожий, не успевший вовремя увернуться и теперь восседающий на груде отбросов, словно на троне.

— Это был чародей? — удивленно воскликнула я.

— Именно, — отозвалась бабушка, недовольно поджав губы. — Вот уж наглецы! Никто им не указ. Чернокнижники! У нас в Арданции ему бы не поздоровилось. Живо бы Инквизиция нашла на этого колдуна управу!

Бабушкино возмущение мне было понятно, даже в то время я знала, что чародейство во многих королевствах объявлено вне закона. Инквизиция уже потеснила магов на юге и в Срединных королевствах, но здесь, на варварских западных землях чародеи чувствовали себя вольготно, по-прежнему являясь наперсниками королей и князей. Конечно же моя бабушка, привыкшая на родине к тому, что днем мага можно увидеть только

по пути из тюрьмы на костер, была вне себя от ярости. Она ускорила шаг и забормотала молитвы, волоча меня за руку. Я выворачивала голову, упиралась обеими ногами, но чародея уже и след простыл. А мне так хотелось рассмотреть его поближе! Я-то уже не являлась коренной арданцийкой, как ни крути, и просто обожала баллады про подвиги чародеев, которые так часто пели бродячие певцы.

Как же мне нравился большой город! Все было так ярко и необычно!

Вскоре мы пришли к дому дяди Бернарда. Моя провинциальная челюсть снова отвисла. Это был совершенно сказочный домик, крытый не соломой и даже не дранкой, а самой настоящей черепицей! Нет, в Изгарде все дома были крыты черепицей, но то, что мой собственный дядюшка живет в таком богатом особняке (тогда все двухэтажные строения казались мне особняками), меня просто поразило. Вслед за бабушкой я вошла в двери, которые нам открыла служанка в белоснежном переднике. Но даже мое экзальтированное состояние не помешало мне заметить то презрительное выражение, которое приобрело ее лицо, едва она только разглядела нашу пыльную одежду.

Точно такое же выражение появилось и на лице тетки Вивианы, которая спустилась вслед за дядей Бернардом в гостиную, где мы с бабушкой робко сидели на диване.

Едва я только увидела дядю Бернарда, как сразу решила, что мой отец был на него похож. Мне хотелось бы думать, что у него был такой же благородный вид и гордая осанка отставного военного. А вот тетка Вивиана мне не понравилась — крупная, холеная дама с опущенными уголками рта, отчего казалось, что она даже дышать одним со мной воздухом брезгует.

Бабушка бросилась обнимать дядю Бернарда, я же осталась сидеть на месте, не зная, куда себя приткнуть. Тетка Вивиана, тоже сомневающаяся, как ей следует поступить в этой ситуации, рассматривала меня с таким выражением лица, будто решала, что лучше со мной сделать — зажарить или сварить.

Затем бабушка, вспомнив о правилах хорошего тона, представила меня им, и я удостоилась двух вежливых, но весьма холодных кивков. После этого я была выдворена из гостиной на кухню, где я наконец-то смогла утолить зверский голод, тер-

завший меня все время нашего путешествия. Бабушка же вместе с дядей и его женой осталась в гостинной.

Я изнывала от нетерпения и любопытства. Ясно было, что там говорят про меня. Что именно они говорят? Как со мной поступят? Быть может, мы с бабушкой останемся пожить здесь? Вот было бы здорово!

От раздумий меня отвлекло появление невысокой светловолосой девочки в бледно-розовом платье — моей кузины Мари.

Она растерянно смотрела на меня, явно сомневаясь в том, умею ли я говорить или нет. После продолжительного молчания я решила, что это уже неинтересно, и со всем доступным мне радушием промямлила что-то вроде «здрaсте». Кузина нервно обняла меня, явно сознавая всю нелепость происходящего, и предложила осмотреть дом. Я согласилась, понимая, что иначе снова наступит глупое молчание, способное испортить аппетит даже мне.

Итак, я брела за Мари, на ходу дожевывая бутерброд с сыром, и таранилась на ее изумительное платье. Оно совсем не походило на мое, и в душу мою закралось сомнение: а так ли уж хороши штаны с рубахой, по которым я так тосковала? Раньше я даже при слове «платье» презрительно кривилась. Но тогда я и не знала, что платье — это не просто длинный подол с кусачим воротником. Вот бы и мне примерить такой наряд, как у кузины...

— А тут у нас портреты всех родственников, — между тем говорила Мари, с опаской косясь на меня. — Вот портрет тети Люцинды из Каллесворда, вот она же со своей дочерью Катрин, вот дядюшка Вольдемар, вот тетка Алисия, вот тетка Хельга...

Я с интересом разглядывала важные, холеные лица, с которыми, оказывается, состояла в родстве. Все они были изображены в величаво-спокойных позах, восседавшими в креслах либо же на диванах с бархатной обивкой, и одеты соответствующе. Кузина Катрин, например, по виду — моя ровесница, была наряжена в совершенно кукольное голубое атласное платье, которое оттеняло ее пепельные волнистые волосы. Кузина Диана, совсем маленькая девочка, шеголяла ярко-красным бархатом с золотым галуном, а тетка Алисия, ее мать, просто сияла от обилия украшений. И можно понять мое потрясение, когда после очередного портрета с тщательно выписанными

бархатом, золотом и драгоценными камнями моему взгляду явилось нечто растрепанное, серо-бурое и ссутуленное. Только чудом я успела сдержать недоуменное восклицание, потому что с опозданием поняла: эта неопрятная, лохматая и запыленная девчонка с угрюмым взглядом — я. Да, это я — бледная, некрасивая, с запавшими от усталости глазами, в уродливейшем из всех когда-либо существовавших платьев, стояла напротив огромного зеркала и таращилась на свое отражение.

Раньше я не видела таких зеркал, настоящее зеркальное стекло было очень дорогим, и в провинции даже в богатых домах довольствовались простыми серебряными или медными, я же могла пользоваться разве что надраенной до блеска кастрюлей. И вот я наконец увидела, отчетливо и во всех подробностях, что из себя представляю. Да уж, радоваться тут было нечему.

«Угораздило же...» — печально подумала я, изучая свое отражение. Мари покосилась на меня, заметив мое кислое лицо. В ее взгляде без труда можно было прочесть: «Слава богу, что я не такая». В ответ я презрительно вздернула нос и подумала, что в таком ужасном платье, как мое, и она бы выглядела как чучело. А в целом — что во мне плохого? Не горбата, не коса, не ряба... Еще не хватало нюни перед этой ангелоподобной кузиной распустить!..

Но в душе, конечно, я была уязвлена.

Потом бабушка забрала меня из кухни, куда с облегчением вернула меня кузина, и отвела наверх. Нас поселили в совершенно изумительной комнате, где над кроватью был настоящий балдахин, как у принцессы из сказок. Бабушка ничегошеньки мне не рассказала про свою беседу с дядей Бернардом, и я едва смогла уснуть, все не переставая думать о проклятом зеркале.

Мне снились те девушки, с балкона. Их драгоценности так сверкали, что у меня даже слезы на глаза наворачивались. Они, смеясь, показывали на мое запыленное платье и грубые туфли белоснежными пальчиками, унизанными кольцами. Сквозь сон я чувствовала, как по лицу у меня бегут горячие слезы.

Даже полному олуху было ясно, что это сновидение не просто так, а со смыслом и меня ждут большие испытания. Я немного умела толковать сны и пришла к выводу, что грядут пе-

ремены к худшему, сопряженные с неудачами. По меньшей мере должна была испортиться погода.

Утром, когда я проснулась, бабушка уже была одета и готова отправиться в дорогу.

— Ну, Каррен, — сказала она, — веди себя хорошо. Не огорчай дядю Бернарда, дружи с Мари и Ивэнсом. Помни, что ты тоже воспитанная девочка. Ах да! Не вздумай употреблять тут те слова, от которых мне было дурно в Артанде. Я-то привыкла к твоей лексике, но вот Бернарда может удар хватить, он всегда был помешан на правилах хорошего тона. Упаси тебя Бог вытирать руки об скатерть! Не ковыряйся в носу.

Я хватала воздух ртом, не в силах произнести ни слова.

— ...даже думать забудь о штанах. Босой по дому не ходи. Читай побольше книг, может, это хоть как-то расширит твой кругозор, а то мне иногда не верится, что я могла воспитать такого варвара, — продолжала бабушка. — Учиться ты будешь вместе с Мари, поэтому постарайся не ударить в грязь лицом и слушай учителей. Кроме всего прочего, ты будешь обучаться танцам и игре на музыкальных инструментах, как полагается воспитанной барышне, так что...

— Чего?! — прорвало меня.

Ужасное видение посетило меня: *я учусь играть на лютне. Или на фортепиано.*

— Так что, — повысила голос бабушка, — не вздумай заявить, что ты не хочешь или не будешь. Ты будешь танцевать, даже если дяде придется тебя пороть каждый божий день. И вышивать ты тоже будешь. Не кривись! Я привезла сюда дикое, полуграмотное существо неопределенного пола. К твоему совершеннолетию я надеюсь увидеть здесь воспитанную девицу, которую не стыдно вывести в люди. Ты будешь достойна той фамилии, которую носишь! И никак иначе!

И я впервые почувствовала приближение *настоящей* беды. Фантазии у меня вполне хватило, чтобы представить, каково мне будет жить в чужом доме.

Так начались самые несчастные три года в моей жизни. Да, впоследствии мне пришлось пройти через множество жизненных неурядиц — доводилось голодать, тяжело работать, терять

сознание от усталости, воровать кусок хлеба, чтобы протянуть еще пару дней, а потом, сцепив зубы, терпеть за это унижительную жестокую порку, но даже тогда мне не было хуже, чем в доме дяди Бернарда.

Особенно не любила меня тетка Вивиана, что моментально почувствовали слуги и не замедлили этим воспользоваться. Я ощущала себя военнопленным, которого кормят и одевают, однако при этом только и ждут, чтобы казнить по законам военного времени. Я была никто и ничто, жалкая нахлебница и деревенская дурочка.

А на исходе третьего года моего пребывания в дядюшкином доме началась война с Аале. Аальские войска вошли в Артанд сразу же, не встретив особого сопротивления. Дядюшка Бернард очень переживал за бабушку и даже хотел забрать ее из этого «крошечного ада», как он выразился. Но он не успел воплотить в жизнь свою «бредовую идею», как выразилась тетка Вивиана, артандские беженцы принесли грустную весть — усадьба сожжена дотла и бабушка погибла.

Мое положение в доме стало очень шатким.

Если раньше дядюшка Бернард меня защищал, чувствуя ответственность перед бабушкой, то теперь он без этого самого чувства ответственности стал куда более уязвимым и мягким. Тетка Вивиана и день и ночь доказывала ему свою правоту в отношении меня, доводя дядюшку до белого каления.

Переломный момент в моей жизни наступил вечером, аккуратно перед зимними праздниками. Я тайком забралась в библиотеку и читала, спрятавшись за портьерой. И конечно же именно в это время дядюшка Бернард с женой пришли туда обсудить, как же со мной поступить.

Я сидела, закусив губу, и слушала, как они решают мое будущее.

— Бернард, взгляните правде в лицо! — Тетка Вивиана была не на шутку зла. — Что вы собираетесь делать с этой сироткой? Ей уже тринадцать лет! Еще два года, и придется думать, за кого ее отдавать замуж. И добро бы была она красавицей! А так кто ее возьмет без приданого? Пока за ней числилась эта развалюха в Артанде, еще куда ни шло. А теперь?

— Но, Вивиана... — жалобно отвечал дядюшка, не выказывая никакого желания бороться. — Мы же не можем вышвырнуть ее из дома, как собаку! Она моя племянница. И матушка очень ее любила...

— Так какого дьявола она привезла ее сюда и оставила нам? Вместо двух детей, на которых нам едва хватает денег, мы должны содержать еще и вашу племянницу, которая непонятно откуда свалилась нам на голову! Я до сих пор не могу понять, как вы на это согласились. Пошли на поводу у своей матери! Это же глупо! И ваша матушка, упокой боги ее душу, уже ничего не поделает. Я еще раз вам повторяю: в нашем доме ей не место. Вы присмотритесь к ней, Бернард! Это же настоящая деревенщина, которая даже шагу ступить не может, чтобы не опрокинуть что-нибудь. Кто на ней женится просто так? Учитель танцев после каждого урока с ней пьет отвар пустырника, а ее вышивки даже на полотенце не годятся. К музицированию даже малейшей склонности нет. Ей же только вилами навоз чистить в стойлах, а не на флейте играть. А как она смотрит? Дикие, тупые глаза, точь-в-точь как у коровы. Я вижу, она негативно влияет на Ивэнса! Вчера он зачем-то полез на яблоню в палисаднике и порвал штаны. Я вас спрашиваю: приходили ли в голову вашего сына подобные идеи до появления в доме этой деревенской дурочки?

Дядюшка покорно слушал, потом снова сделал слабую попытку:

— И как я должен, по-вашему, поступить? Вывезти ее в лес и бросить в овраг?

Тетка всплеснула руками:

— Не притворяйтесь, что не понимаете меня! Мы не единственные ее родственники!

— Я уже пробовал, Вивиана. И вы это знаете. Никто из моих братьев и сестер не соглашается взять Каррен к себе.

Тетка опять всплеснула руками — у нее этот жест свидетельствовал о крайнем раздражении.

— Ну вот! И вы еще мне что-то доказываете! Никто не соглашается, а вы *должны!* Хорошо, в таком случае отдадим ее в какую-нибудь школу при женском монастыре. И то дешевле! Ее научат вышивать, прясть и выдадут замуж за какого-нибудь идиота — проблема решена. Причем монастырь надо выбрать

подальше от Изгарда. Например, в Каллесворде. И только попробуйте мне возразить! Завтра же я узнаю, куда лучше ее отправить, и мы вздохнем спокойно. Пусть Божий промысел устроит ее судьбу, а не мы.

Дядюшка Бернард тяжело вздохнул:

— Хорошо, дорогая. Но не будем ей пока ничего говорить. Это сложный ребенок, бог знает, как она это воспримет.

Я восприняла это серьезно.

...Я знала, что такое школа при монастыре. Все-таки круг моих познаний существенно расширился за то время, что я жила в городе, тут бабушка была права.

У Мари была подруга, не слишком близкая, но все же регулярно писавшая ей длинные письма. Эту девочку угораздило попасть в монастырь — она была пятой дочерью в семье. Через год она умерла от чахотки, которая свирепствовала в сырых и холодных комнатах, где жили воспитанницы. Говорили, что даже в тюрьме выжить легче, потому что кормят там не в пример сытнее и не соблюдают посты. Кроме всего прочего, в то время я совершенно не хотела замуж — ни через два года, ни через десять.

В своей комнате я осмотрелась, перевела дыхание и попыталась мыслить разумно. Конечно же мне понадобятся деньги. Кое-что у меня есть, но для бегства этого мало. Можно взять драгоценности Мари, но тогда меня будут искать. А я не хочу, чтобы меня искали. Я хочу никогда больше не встречаться с моими родственниками.

И я принялась складывать свои вещи в сумку. Перетряхивая шкатулку с нехитрыми безделушками, я увидела медальон с портретом матушки. Как всегда, с миниатюры на меня холодно глядели яркие глаза холеной красавицы, совершенно не похожей на меня. Повинуясь какому-то необъяснимому побуждению, я надела медальон. Может быть, мне показалось, что он поможет мне в тяжелую минуту?..

Я уже упоминала, что в то время имела склонность к некоторой мечтательности.

Во время ужина я вела себя самым обычным образом, чтобы не вызвать подозрений. Дядюшка и тетка уступали мне в актерском мастерстве — слишком уж довольной была тетка Вивiana, и слишком упорно отводил взгляд дядюшка Бернард.

После трапезы все разошлись по своим комнатам. Я дождалась, когда в доме все стихнет, и вылезла через окно. При мне было несколько крон — пять или шесть, уж и не вспомню точно, и что-то из еды. Я не имела ни малейшего понятия, куда же мне направиться и что делать дальше. Смешно.

Не знаю, искал меня кто-нибудь или нет. Наверняка тетка вздохнула с облегчением, когда узнала о моем побеге, — не надо было тратить деньги на оплату моей учебы. В конце концов, мое решение устраивало всех. Я уверена, что никто особо не переживал по поводу моего исчезновения. С тех пор прошло уже много лет, но я никогда больше не видела ни дядюшку Бернарда, ни тетку Вивиану, ни Ивэнса, ни Мари. Думаю, они по этому поводу также не печалились.

ГЛАВА 4,

в которой Каррен узнает на собственном опыте, что приключения в канун праздников — не самое приятное дело, и знакомится с миром чародеев изнутри

Ах, как же я любила зимние праздники! Что-то светлое и радостное спускалось на землю в эти дни, и мелкие беды на время забывались. Дух праздника витал повсюду — и в запахе марципанов, которыми украшали елку, и в песнях, которые распевали дети у крыльца, и в огнях свечей, горевших особенно ярко, и в морозных узорах на окнах...

Дома, в Артанде, мы с бабушкой Бланкой всегда пекли пирог на зимний праздник, а затем я разносила по ломтю этого чудесного пирога соседям, с трудом пробираясь по глубоким сугробам. И кататься на санках можно было хоть целый день — никто не кричал, что надо помогать по хозяйству, а не тратить время на глупые забавы.

У дяди Бернарда праздники проводили совсем иначе — все вкусности готовила кухарка, а елку полагалось наряжать старшим, чтобы мы, дети, замерли с открытыми от восхищения ртами, увидев сияющее десятками огней дерево. Под елкой в ярких коробках лежали подарки, разумеется, только самые желанные и заветные.

Но их надо было еще заслужить.

Конечно же здесь не надо было весь год доить корову или прясть кудель. Никто про это и слыхом не слыхивал — детям всего лишь полагалось участвовать в веселой праздничной мистерии, которой руководили гувернантки и домашние учителя. У нас собирались все-все друзья и подруги Ивэнса и Мари, каждому из которых находилась какая-нибудь роль. Дом дяди Бернарда на праздники становился театром, куда сходилсь множество друзей и знакомых, чтобы посмотреть, как их отпрыски старательно разыгрывают новую сказку. Даже я втайне любила эти праздничные представления, хотя роли мне доставались самые гадкие — то колдунья, то старуха, то дерево.

В этом году мне досталось вполне достойное место в хоре, который исполнял целых три гимна и старательно репетировал их еще с середины осени.

Я шла по пустынной темной улице, кутаясь в тонкий плащ, и думала, что это представление наверняка будет иметь сумасшедший успех и никто даже не заметит, что в хоре стало на один голос меньше. Будет праздничный ужин, будут подарки, а мне не достанется ничего. Потому что у всех детей, которые придут на праздник, есть дом и семья, а у меня нет. Я была никому не нужна в канун самых веселых праздников в году.

Как же ужасно я себя чувствовала!

Никогда я еще не бывала в городе ночью и до этого подумать не могла, что шумный, веселый Изгард может быть таким страшным. Черные громады домов нависали надо мной, а с неба сыпался снег, невидимый в темноте, но ледяными прикосновениями оседающий на моем лице. Идти становилось все труднее — снегопад был сильный.

У меня очень замерзли руки и ноги. Мороз был хоть и не трескучий, но все равно крепкий. А у меня не было при себе рукавиц, да и туфли мои не могли служить препятствием для ночной стужи. Ох, как быгодились сейчас зимние сапожки, которые мне должны были подарить на праздник!

Изгард я за три года немного изучила, но в темноте понять, где я сейчас нахожусь, не представлялось возможным. Фонарей здесь не было, людей тоже, и приходилось просто брести вслепую. Я понимала, что если сейчас остановлюсь, то попросту за-

мерзну насмерть и завтра мое окоченевшее тело найдет какой-нибудь горожанин, который будет долго еще сокрушаться, что это печальное происшествие испортило ему праздник.

Потом я заметила впереди свет. Похоже, там пылал большой костер, около которого я смогла бы отогреться. Тепло, обжигающее тепло и трескучие головешки! Это было бы настоящим чудом, о котором так любят рассказывать на зимние праздники! Я приободрилась и поспешила туда, увязая в снежных заносах.

Свет становился все ярче и ярче, и вскоре я вышла к костру, естественно, не обратив внимания, что домов вокруг стало куда меньше, да и улица плавно перешла в пустырь.

Вокруг огня грелось несколько человек, в которых даже мой неискушенный ум опознал висельников и злодеев. Я сделала слабую попытку отступления, но тут меня заметили.

— А кто это к нам зашел на огонек? — протянул противным голосом один из них.

— Надо же, кто ходит ночью по улицам! — фальшиво удивился второй.

Я хотела было бежать, но меня ухватили за шиворот, словно шкодливого котенка, и отвесили пару подзатыльников, от которых я осела в снег, оставив всякие мысли о сопротивлении.

— Хорошим девочкам здесь делать нечего, — сообщил мне один из злодеев.

Я почувствовала, что у меня из носу пошла кровь, и запоздало согласилась с этим утверждением.

— А ну-ка посмотрим, что эта мамзель носит при себе, — тем временем сказали над моей головой, и мои пожитки покинули меня.

Я попыталась подняться, но хороший тычок заставил меня покатиться кубарем, отчего в глазах у меня потемнело. Что-то на мгновение впилося мне в шею, и я вспомнила про медальон, который надела впервые в жизни. Потом давление резко ослабело, и я догадалась, что цепочка лопнула. Ощупав шею, я убедилась, что медальона больше нет. Видимо, роль талисмана была слишком ответственна для него. Да и чего можно было ждать от побрякушки моей беспутной матушки?..

— Так-так-так, — деловито произнес грабитель, потроша мой узел. — Что у нас тут имеется? Денежка, еще денежка...

Маловато что-то. А вот колечко, жиденькое, но золотое. Ну, хлебушек нам тоже сгодится, да и эта вот безделушка... Если ты в бега собралась, барышня, то плохо подготовилась. На эти вот гроши и неделю не протянешь. Да уж, поживиться тут нечем! Дай гляну на твои башмаки...

Меня дернули за ногу, но я даже не нашла в себе силы, чтобы протестующе пискнуть.

— И туфли твои дрянь! — с разочарованием вынес вердикт грабитель. — Разве ж в таких туфлях зимой ходить? Ей-богу, ноги отморозишь, да и только. Жаль, размерчик маловат — подарил бы крошке Марте, ну той, рыжей...

От отчаяния и страха я заплакала, размазывая по лицу кровь. Вот тебе и побег, вот и приключения. Ну почему в книгах не пишут, что не успеешь ты от дома отойти, как тебя тут же ограбят, разуют, да еще и посмеются...

Тут меня снова ухватили за шкуру и встряхнули. Я зашморгала носом с удвоенной силой.

— А сколько тебе годков, барышня? — с затаенной надеждой осведомился грабитель, видимо так и не сумев разобраться в этом сложном вопросе из-за моей перепачканной физиономии.

— Тринадцать, — едва слышно ответила я.

— Тьфу ты! — с досадой сплюнул он. — И тут не повезло. Было бы тебе ну хоть четырнадцать... Хотя такая дохлая да тощая и в двадцать не сгодится. Ладно, снимай свой плащ — я так вижу, он с меховой оторочкой, — и платье тоже снимай.

— Я же замерзну, — замирая от ужаса, прошептала я.

— Ты и так замерзнешь, — тоном, не допускающим сомнения, сообщил мне грабитель и практически вытряхнул меня из платья. — А теперь дуй отсюда со всех ног!

И новый подзатыльник отправил меня прямиком в глубокий сугроб. Я распласталась в снегу, жалко взвизгнув. Из одежды на мне осталась только нательная рубашка и чулки, оттого снег ожег меня всю, от макушки до пяток. Мои пальцы вдруг наткнулись в снегу на что-то гладкое и округлое и машинально сжали его.

Из сугроба я выбралась, дрожа и всхлипывая. Теперь я по-настоящему почувствовала, что такое мороз. Ох, как же мне было холодно! Воздух словно обжигал.